

ния о немедленном снятии с работы Безпалова и отзыва его со строительства ВИЭМ.

Начальник Ударной стойки Кофт
Начальник секретной части Гутман¹⁰

Донос, однако, желаемого действия не возымел. Арестант Безпалов настолько «втерся в доверие Академика Павлова», что по настоятельной просьбе последнего его решением Особого совещания при наркомвнутренних дел СССР от 15 июля 1935 года «условно досрочно» освободили от наказания¹¹.

И. Ф. Безпалов поселился в Колтушах. В течение 20 лет помимо работы зодчего и скульптора он выполнял обязанности заведующего хозяйством Биостанции, а в годы Великой Отечественной войны был ее руководителем. В памяти сотрудников и жителей Колтуш он остался как внимательный, отзывчивый человек, всегда помогавший в нуждах и заботах в трудные годы.

Территорию ИЭМ в Петербурге кроме памятника собаке украшают бюсты Декарта, Менделя, Дарвина, Сеченова и Павлова работы

Безпалова (такие же бюсты установлены в Колтушах). Им же выполнен памятник И. П. Павлову на Волковском кладбище.

Однако реабилитировали И. Ф. Безпалова лишь посмертно по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Решение о реабилитации, датированное 22 сентября 1989 года, хранится в его следственном деле.

¹ Императорский институт экспериментальной медицины основан в 1890 г. принцем А. П. Ольденбургским на Лопухинской улице (ныне ул. Академика Павлова, 12). В 1932 г. декретом Совнаркома реорганизован во Всесоюзный ИЭМ с филиалом в Москве. Последний в 1934 г. получил название Большой ВИЭМ, и теперь уже ленинградский институт стал его филиалом. В 1944-м на базе Большого ВИЭМ создана Академия медицинских наук, и он прекратил свое существование. Ленинградский филиал вновь обрел самостоятельность как Институт экспериментальной медицины АМН СССР. Ныне государственное учреждение НИИЭМ РАМН.

² Асептика – меры по профилактике занесения микробов в рану и полости тела при операциях – мытье рук, стерилизация инструментов.

³ Антисептика – предупреждение инфицирования ран путем воздействия на болезнетворные микробы химическими или биологическими средствами.

⁴ «Фабрика желудочного сока» существовала до 1950-х гг.

⁵ Крепс Е. М. О прожитом и пережитом. М., 1989. С. 57, 58.

⁶ Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания. М., 1995. С. 369.

⁷ В действительности в Колтушах в 1951 г. установлена скульптурная композиция работы В. В. Лишева: Павлов в медицинском халате стоит в полный рост; у его ног сидит собака.

⁸ Исаченко В. Г. Зодчий, скульптор, изобретатель (очерк о деятельности И. Ф. Безпалова) // Ленингр. панорама. 1982. № 11. С. 36–39.

⁹ Следственное дело по обвинению И. Ф. Безпалова. Архив ФСБ по С. Петербургу и Ленинградской области. П–81236. Л. 196, 274.

¹⁰ ЦГИА Петербурга. Ф. 8142. Оп. 1. Д. 4. Л. 85. Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

¹¹ Следственное дело П–81236. Л. 285.

Игрушечная собачка

МУЗЕЙ-КВАРТИРА АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА

Н. А. Нарышкина

Первый российский нобелевский лауреат, физиолог Иван Петрович Павлов жил в петербургском доме, расположенном на углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии Васильевского острова.

С виду это самый обыкновенный дом, ничего особенного. Но если подойти поближе, то видно, что его стены покрыты мемориальными досками, на них имена тех, кто когда-то в нем жил. Это были талантливые ученые, испытатели, путешественники XVIII–XX ве-

ков. Одни исследовали богатые недра земли русской; другие изучали стратосферу, звездный мир; третьи искали новые химические соединения, искусственный каучук, огнеупорное стекло...

Строиться этот дом начал еще при Петре I, но после его смерти строительство затянулось. Однако Академии наук нужны были квартиры для молодых ученых, и строительство продолжалось¹.

В середине XVIII века архитектор Савва Чевакинский наконец

довел строительство в основных чертах, в начале XIX века здание вновь перестраивалось, на этот раз Андрианом Захаровым. Дом стал заселяться, впоследствии приобретаемая известность под именем «дома академиков». Первыми жильцами стали анатомы и физиологи. Они открыли новую науку – сравнительную анатомию и таким образом подготовили исследования Ивана Петровича Павлова.

Одним из первых жильцов этого дома был талантливый механик

– изобретатель XVIII века Иван Петрович Кулибин, сконструировавший модель моста через Неву.

Жил здесь известный математик Леонардо Эйлер (1707–1783).

В начале XIX века поселился знаменитый зоолог М. А. Адамс, которому посчастливилось на берегах сибирской реки Лены обнаружить гигантский скелет никому не известного зверя. находка взволновала весь просвещенный мир. Скелет оказался принадлежащим мамонту.

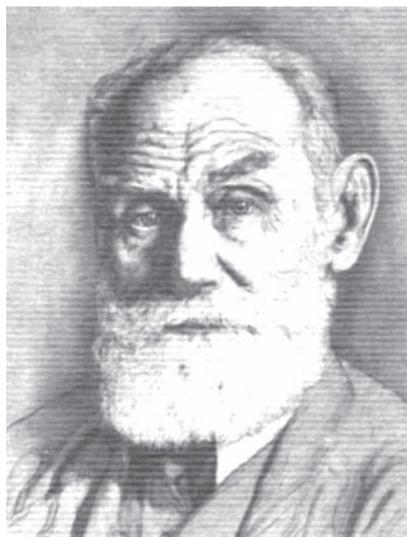
Адамс собрал во дворе академического дома скелет, привезенный по частям, и царь Александр I специально посетил этот дом, чтобы посмотреть небывалого зверя, после чего мамонта для публичного осмотра перенесли во двор главного здания Академии наук.

Жил в этом доме и академик Владимир Васильевич Петров (1761–1834), открывший электрическую дугу. Он проводил опыты прямо у себя в квартире и установил на крыше дома «молниеотвод».

В 1838 году петербуржцы увидели необычное зрелище – вверх по Неве быстро двигалось суденышко без весел и без паруса. Это был первый в мире электроход, сконструированный Борисом Семеновичем Якоби (1801–1874). Он тоже жил в этом доме. Именно там он изобрел технику гальванопластики, позволившую получать копии скульптурных изображений при помощи тока. Уже при жизни ученого его изобретение было использовано для строившегося Исаакиевского собора, гальванопластическим способом изготовлены многие скульптуры собора.

В академическом доме занимал квартиру и выдающийся математик, академик Пафнутий Львович Чебышев (1821–1894), основатель отечественной школы теории чисел, теории функций и механизмов. Для подтверждения своих теорий по механике П. Л. Чебышев конструировал движущиеся игрушки. Эти игрушки хранятся сейчас в Москве в Математическом институте Академии наук России.

Среди знаменитых обитателей этого дома-музея был и создатель современной геологии – Александр Петрович Карпинский (1846–1936), первый выборный и первый советский президент Ака-

И. П. Павлов

демии наук. В двадцать три года А. П. Карпинский – профессор Горного института, к концу жизни – член двадцати зарубежных академий и научных обществ.

Он был человеком открытым и для науки и для своих учеников. У него часто собирались гости – коллеги по работе, артисты. Получался импровизированный домашний концерт. Он любил музыку, и сам хорошо играл на рояле. Частым его гостем был и сосед по лестничной площадке – академик Иван Петрович Павлов, также человек живой, общительный, любивший искусство.

На двери его квартиры до сих пор висит медная табличка: «Академик Иван Петрович Павлов».

Давно уже никто не живет в этих комнатах. Но в них все как при Иване Петровиче. Поддерживается здесь прежняя аура главным хранителем музея-квартиры Л. И. Громовай. Физиолог по профессии, она много знаний, любви и времени отдает поддержанию и развитию традиций великого ученого. «Павловский дух» в доме тот же. Это ее усилиями здесь проходят научные конференции, встречи ученых, школьные экскурсии и увлекательные беседы со всеми, кто приходит в гости в этот замечательный дом.

Вещи стоят на прежних местах: с книжных полок смотрят корешки книг, на громадном письменном столе, под зеленоватым стеклом лежит листок с последними словами, написанными рукой великого ученого.

На стенах висят картины – молчаливые свидетели жизни, когда-то царившей в этих комнатах.

А на шкафу, точно на страже тишины и порядка, стоит маленькая собачка. У нее белая волнистая шерсть и настороженно приподнятые ушки. Она радостно встречает посетителей этих тихих комнат. Эту собачку знают ученые всего мира. В дом к Ивану Петровичу Павлову она попала самым необычным образом.

Иван Петрович был не просто талантливым, он был удивительным человеком.

Собрал коллекцию бабочек, которая и поныне украшает стены его квартиры-музея.

Собрал картины российских художников. Живописная коллекция Ивана Петровича смотрится как малый филиал Русского музея. В квартире Павлова можно увидеть и «Снегурочку» В. Васнецова, и пейзажи Н. Дубовского, автора знаменитой картины «Притихло» в экспозиции Русского музея, и акварели Альберта Бенуа. Здесь несколько «Крестьянских девочек» и «Головок крестьянок» кисти одного из передвижников К. Лемоха, а также работы М. Нестерова и И. Куликова, ученика И. Репина, помогавшего прославленному мэтру закончить монументальное полотно «Торжественное заседание Государственного Совета» к его столетнему юбилею, к 1903 году.

У Павлова была также большая библиотека, любовно им составленная из произведений русских и европейских классиков. Он любил Шекспира, Пушкина, под рукой у него всегда лежал томик басен Крылова.

Он в совершенстве владел немецким языком. Специалисты по немецкой филологии считают даже, что его перевод стихотворения Г. Гейне звучит более точно, чем перевод Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...»²

Академик А. П. Карпинский, любивший и ценивший Ивана Петровича, с улыбкой смотрел в окно, как Иван Петрович с точностью метронома всегда в одно и то же время выходил на работу. «По Ивану Петровичу часы проверять!» – шутил он.

Оставил о Павлове воспоминания и академик П. Л. Капица,

ярко характеризующие Ивана Петровича с малоизвестной нам стороны: после революции инакомыслие Павлова было известно не только у нас, но и за рубежом. Оно носило ярко демонстративный характер. «Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не реагировал... Для Ленина Павлов был большим ученым, и Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову хорошие условия для его научной работы. Например, хорошо известно, что свои основные опыты по условным рефлексам Павлов вел на собаках. В двадцатые годы в Петрограде с питанием было катастрофически плохо, но по указанию Ленина питание павловских собак было поставлено в нормальные условия. Я помню, как мне рассказывал академик А. Н. Крылов, что, встретив Павлова на Каменноостровском, он обратился к нему: «Иван Петрович, могу я вас попросить об одном одолжении?» – «Конечно». – «Возьмите меня к себе в собаки»³.

Смело выступал Иван Петрович против репрессий, отстаивал честь и жизнь многих преследуемых ученых. Писал В. М. Молотову, писал в Совет народных комиссаров, что «безудержное своеволие власти» вскармливает в человеческой душе рабское начало. «А много ли можно сделать, – писал он, – хорошего с рабами? – Пирамиды, да; но не общее истинное человеческое счастье»⁴.

Академик П. Л. Капица приводил еще один очень интересный разговор, состоявшийся с И. П. Павловым в 1934 году. Иван Петрович сказал ему: «Знаете, Петр Леонидович, ведь я только один здесь говорю, что думаю, а вот я умру, это должны делать Вы. Это так нужно для нашей родины, я теперь ее как-то особенно полюбил, когда она в таком тяжелом положении... Мне хотелось бы еще прожить хоть десять лет, чтоб увидеть, что с моей родиной будет и что будет с моими условными рефлексам. И знаете, я заставляю себя прожить!»⁵

Великий ученый был великим патриотом.

До поздней старости он и в помыслах своих, и в делах был стремительным человеком. Всегда в движении. С увлечением играл в городки, с завидной меткостью бил и правой, и левой рукой, хотя от рождения был левшой.

С поражающей настойчивостью тренировал правую руку, чтобы делать операции (все операционные инструменты изготавливались под правую руку).

Упорство, с которым он добивался задуманного, поражало⁶.

В пятнадцать лет, не окончив духовную семинарию, куда его определил отец-священник, решил ехать учиться в Петербургский университет. Отец попробовал противиться:

– Это что ж за спешка такая? Кончи сначала семинарию по первости.

– Спешка есть – мне многое надо узнать.

– Что тебе надо узнать, кроме слова Божия?

– Как человек устроен...

– Вот оно что... По разумению создателя и устроен.

Сын помолчал немного и повторил:

– Поеду.

– Денег тебе не дам.

– Пешком пойду.

Отец, не прощавший послушания, понял: надо отступить. В него сын – уйдет. Когда с котомкой за плечами сын вышел из дома, в ушах у него еще стояли слова отца:

– Коли решил, ступай с Богом... Учись, сыне... У каждого начертана своя дорога...

В Петербурге его ждала трудная жизнь, но он этого не замечал. Все его силы и мысли были устремлены к одному – знать!

Маленькая черная собачонка была его главным и единственным предметом внимания – после огромного количества операций, проделанных им, ее он первую снял с операционного стола живой. А Жучка подергивала хвостиком и время от времени поскуливала. Она смотрела на молодого ученого доверчиво и преданно. Иван Петрович, жалея Жучку, видя ее страдания и безграничную преданность, дал Жучке слово поставить ей и ее братьям собакам, верой и

правдой служившим людям и науке, – памятник.

– Ты не думай, – говорил он Жучке, – я слово сдержу... Еще не было на земле такого памятника, но будет. Будет⁷.

Давно ученый обдумывал эту операцию, стремился осуществить ее, и вот, наконец, она удалась! Он сделал маленькое отверстие в животе Жучки – фистулу, через которую можно было наблюдать за тем, что происходит в желудке собаки, когда она ест. Так появилось «окно» в живой организм. Все вокруг говорили, что это невозможно, но он был упрямым. И «Жучка доказала» миру, что невозможного в науке нет. Через жучкину фистулу физиолог узнал много нового: что для различной пищи в желудке выделяется различный желудочный сок, что желудочным соком можно лечить различные желудочные заболевания у людей. Это его особенно радовало – вот он, реальный результат его исследований.

В лабораторию к нему приходили ученые, внимательно рассматривали жучкину фистулу и поздравляли с невиданным успехом. Но Иван Петрович уже ставил новую задачу, и опять невозможную. Он задумал отделить от желудка собаки маленький желудочек, куда пища не будет попадать, но в нем будет происходить все то, что происходит в большом, где переваривается пища.

Маленький желудочек даст возможность свободно наблюдать все процессы пищеварения. Ему говорили:

– Это невозможно.

– Что же, прикажите поставить точку? – сердито возражал он.

Каждое утро в лаборатории Павлова готовили собак к операции. Им делали горячую ванну, мыли щетками, зеленым мылом.

– Начнем, – говорил Иван Петрович. Он тоже уже приготовился – в белом халате, в белой шапочке. Рукава засучены до локтя, словно перед сражением. Операция, которая никому на свете не удавалась, – тоже сражение. Он идет в операционную, и за ним следуют ассистенты, ученые, студенты. В операционной – яркое освещение, белые стены, белые двери. На дверях загорается сигнал: «Не входить. Идет операция».

Операция идет час... второй... третий... Движения пальцев быстрые, точные. Работают и правая, и левая руки. Они перекраивают собачий желудок на две части – большую и маленькую. Новый маленький желудочек надо сшить трубочкой и сделать в нем фистулу – окошечко. И так надо отделить и сшить маленький желудок, чтобы в нем было все, как в большом, и чтоб не задеть ни один нерв, ничего не разрушить.

Немецкий ученый уже пытался создать такой «уединенный желудок» у собаки, но каждый раз задевал нерв, даже не подозревая, какую важную роль он играет, связь с мозгом нарушалась, нарушалась таким образом и работа желудка.

Иван Петрович оперировал уже четвертый час, и все чаще звучал его тревожный голос:

– Пульс?

– Пульс слабый, – ассистент весь ушел в одно – он слушает, слушает пульс.

– Пульс?

– Пульс слабый. Но операция окончена! Победа!

Иван Петрович снял марлевую повязку, и все увидели на его лице улыбку счастья.

У собаки создан двойной желудок! Медицина и наука обогатились новыми знаниями.

Теперь на столе в специальном станке для подопытных собак стояла рыженькая Лиска, она удобно пристегнута к станку ремешками. На животе у нее пробирика, прикрепленная к фистуле. Для Ивана Петровича Лиска не простая собака – у нее в пищеводе сделано отверстие, и пища, не попадая в желудок, вываливается в это отверстие. А чтобы Лиска не голодала, Иван Петрович ее собственноручно кормит через фистулу.

– Видите? Видите? – говорит он своим ученикам, – пища только еще попала в рот, а в пробирику на животе собаки уже капает желудочный сок. Словно кто-то предупреждает желудок. Так и есть... Во рту спрятаны концы нервов, которые мгновенно дают знать главному командиру – мозгу: «Пища!» И мозг так же мгновенно шлет по нерву команду слюнным и желудочным железам: «Приготовиться!»

Но вот – новая задача: желудочный сок, оказывается, выделя-

ется и капает в пробирику даже тогда, когда собака только увидит пищу. Вот тут-то и появляется опыт, который еще никогда, нигде и никем не ставился: «кормление камнями».

– Попробуем-ка покормить собаку камнями... Сотрудники смеются – шутит Иван Павлович. Но он не шутит. Служитель приносит миску с круглыми камешками и ставит перед Лиской. Лиска понюхала и обиженно отвернулась. Тогда служитель стал сам их вталкивать в пасть Лиске, и она нехотя их проглатывала.

– Вот странная вещь, – замечает Иван Петрович, – Лиска глотает, а желудочный сок не выделяется. Может быть потому, что камни мы насильно вталкиваем ей в пасть?

Но где взять собаку, которая по собственному желанию ела бы камни? В лабораторию привели огромного черного пса Цыгана – тощего и голодного. Но и он решительно отказался от этого угощения. Потом приводили Шарика, Динку, Джека, Альму, Бобика – никто не хотел глотать камни. Иван Петрович волновался. Нервничала в своем станке и Лиска. Глядя на Ивана Петровича, она даже тихонько поскуливала – жалобно, виновато.

Иван Петрович пододвинул ей миску с камнями с не менее винюватым видом. И вдруг Лиска медленно, без охоты, но стала брать камни из миски, клацала о них зубами, словно жует, и проглатывала.

Иван Петрович ликовавал:

– Ай да Лиска! Умница! Что за чудесная собака – она сама ест камни. Смотрите, смотрите! Лиска глотает камни, а желудочный сок не капает в пробирику. Это значит, что мозг получил точную информацию: «Камень. Сок не нужен».

– Хорошо. Очень хорошо. А теперь что вы скажете? У меня в кармане халата кусок колбасы. Лиска его не может увидеть, а в пробирику капает сок.

Теперь вам ясно: нервы, ведающие обонянием, подают сигнал «Пахнет колбасой» и мозг отвечает: «Приготовиться!»

Итак, работой желудка, оказывается, управляет мозг!

Сложнейшая организация серого мозгового вещества не откры-

вала человеку своих тайн. Но вот мы и подошли вплотную к этой неприступной крепости. Как начать осаду? Думайте, думайте, – говорил Иван Петрович своим ученикам. – Посмотрим, что нам скажет опыт. Перед господином Опытом я снимаю шляпу.

И опять недели, месяцы, годы опытов...

– Шаги служителя в коридоре собаки воспринимают с волнением. Почему? Думайте. Он приносит им пищу. Запах не мог проникнуть в лабораторию. Значит, привыкают к связи явлений. Теперь вступаю в работу слуховые нервы. Все в организме приспособлено к службе питания.

– Да кто же не знает: услышали звон посуды – «побежали слюнки». А если давать собаке пищу по звонку? Мозг привыкнет к этой связи явлений?

– Иван Петрович! Иван Петрович! Вам розы!

– Какие розы? – сердито хмурился ученый. Ему помешали, сбита логика мысли. – Я не балерина, – говорил он.

– Вы тут сидите и ничего не знаете – вас избрали академиком!

– Что такое... Ничего не понимаю.

– Вас избрали! Москва звонила.

– А-а, значит избрали... А мы вот на белый свет выводим главного повелителя всех процессов, происходящих в организме...

– Вас Москва поздравляла.

– А-а, поздравляла... Москва. Ну хорошо. Надо, наверное, позвонить жене – это ее может порадовать. А я вот думаю – пес Мампус – прекрасный экземпляр – он уже превосходно усвоил связь шагов Михеича с кормлением. Сейчас мы еще раз испытаем его.

Как только послышались шаги служителя за дверью, Мампус сразу же весь обратился к двери. А миска с кашей так и не появилась. Мампус обиженно отошел – он не любил обмана. Но в лаборатории зазвенел звонок, и Мампус снова встрепенулся. Теперь он ждал, громко, требовательно лая.

– Молодец, Мампус, молодец! В мозгу у него уже выработались временные связи. Такой пес не пропадет ни в каких условиях – это условные рефлексы приходят ему на помощь.

Иван Петрович доволен.

— Ты прав, Мампус. Ты заслужил хороший обед и сейчас его получишь.

А ученый уже стремится дальше:

— Мозг, являющийся величайшей тайной природы, неприступный, как крепость, отдал ключи от своих ворот, покоряясь нашей смелости. Ключом этим и является учение о рефлексах.

Можно идти дальше, то есть выяснять теми же методами, какой участок мозга несет какую функцию, чем заведует. Направление дано.

Когда Иван Петрович возвращался домой, он садился писать книгу о рефлексах. Он любил заниматься дома, где было тихо и удобно сидеть, думать и писать. Много света, много нужных статей и книг. На стенах — любимые картины — пейзажи русской природы. «Листья здесь пахнут свежей зеленью», — говорил он.

Иван Петрович был знатоком и любителем русской живописи. Работая у себя за столом, он часто поднимал голову и останавливал взгляд на картинах. Он любил русскую природу с детства, простую, незатейливую — лес, солнце, синее небо с перистыми облаками. В детстве в Рязани он раз и навсегда проникся чувством счастья от общения с ней. И позже, глядя на картины, он на мгновение отдыхал и снова возвращался к рукописи.

Работая дома, Иван Петрович иногда «встречался» взглядом с

черными бусинками глаз пушистой белой собачонки.

Она уже много лет стояла на шкафу и с любопытством, как казалось ему, смотрела на его работу.

Спустя годы, когда он сдержал свое слово, данное когда-то Жучке, и перед Научно-исследовательским институтом был поставлен памятник собаке — верному другу и помощнику человека от благодарного ученого, Иван Петрович перестал стесняться этих вопрошающих черных бусинок.

Расхаживая по своему кабинету и рассуждая вслух, как он это привык делать со студентами, он теперь обращался к белой собачке на шкафу...

История ее появления была такова: эту собачку Иван Петрович привез из Кембриджа, это был подарок английских студентов. Праздновалось посвящение выдающихся ученых мира в почетные доктора Кембриджского университета. Этой чести удостоивались немногие.

Началось все с торжественного шествия под музыку.

Посвящаемые были одеты в пурпурные мантии, на головах их красовались бархатные береты с золотыми свисающими шнурами.

— Смотрите. Смотрите — это русский физиолог, это Павлов, — сказал кто-то рядом. И ученый услышал слова: «условные рефлексy».

Но мысли Ивана Петровича то и дело переносились в Петер-

бург, в родную лабораторию. Когда он уезжал, большая черная собака Жгун, только что снятая с операционного стола, температура, и Иван Петрович беспокоился.

А здесь — в ярко освещенном зале его интересовали студенты, и он с интересом смотрел на их оживленные лица.

Опять услышал «условные рефлексy», и в это время увидел, что студенты спускают ему на веревочке игрушечную собачку, как когда-то Чарльзу Дарвину — обезьянку.

Белый пушистый комок, весь утыканный пробирками, скользнул в воздухе и упал ему на грудь. Ученому стали аплодировать.

Вот эта-то собачка и живет у него на шкафу.

Расхаживая по кабинету, он часто обращался к ней. Она услышала немало умных мыслей.

Теперь, когда многое было сделано, он по-прежнему ни в чем не давал себе спуска. Так же, как всю свою жизнь, он торопился в лабораторию, к собакам. Так же, минута в минуту, выходил из дома. И шел, обдумывая подробности предстоящего трудового дня.

Знаменитый Нестеров писал уже второй его портрет, это отнимало драгоценное время, но портрет получался — художник ухватил что-то главное. Что же? Боевистость? Руки, сжатые в кулаки, — Иван Петрович улыбкался.

¹ Князев Г. Дом академиков // Белые ночи. Л., 1973. С. 79–91.

² Pawlow I. P. — der erste russische Nobel preistrager // Lesebuch / Авт.-сост. У. Граулих, Т. Г. Цапалина. СПб., 2001. С. 38.

³ Капица П. Л. Письма о науке. М., 1982. С. 368.

⁴ Самойлова В., Виноградова Ю. «Протестую против безудержного своевластия» // Сов. культура. 1989. 14 янв. С. 10.

⁵ Капица П. Л. Указ. соч. С. 30.

⁶ Павлов И. П. в воспоминаниях современников. Л., 1967.

⁷ Нарышкина М. В. Рассказы о физиологе И. П. Павлове. Л., 1952.

